

Герман Гельмгольц
(1821–1894)

Об академической свободе германских университетов

Речь сказанная им при вступлении в должность ректора в университете Фридриха-Вильгельма, в Берлине, 15 октября 1877 года

Гельмгольц Г. Об академической свободе германских университетов. М.: Типография Л. Ф. Снегирева, 1879. 34 с.

От переводчика

Университеты, как высшие учено-учебные учреждения, зародившись в средние века в Италии, перейдя оттуда во Францию, а затем в Англию, Германию и во все остальные европейские государства, первоначально были довольно схожи по своему характеру и устройству; в настоящее же время они представляются в трех главных типах:

I. Тип *английский* — независимый, корпоративно-замкнутый (Оксфорд и Кембридж), уцелевший еще от средних веков.

II. Тип *французский*, подчиненный в учении и обучении администрации, контролю и регламентации.

III. Тип *немецкий*, отличающийся: а) *свободой учить* (Lehrfreiheit), т. е. правом каждого преподавателя излагать свой предмет *по крайнему своему разумению и пониманию*, согласно с современным его состоянием, помимо всяких официальных программ; б) *свободой учиться* (Lernfreiheit), или **правом студента располагать свои занятия (в пределах известного minimum'a лет) согласно своим личным наклонностям, обстоятельствам и условиям**. Это право одинаково относится как к порядку, в котором студент желает слушать науки, так и к выбору преподавателей, у которых он желает слушать эти науки. [3]

Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что в последнее время немецкий тип университетского устройства сделался как бы центром, к которому тяготеют и стремятся приблизиться остальные типы: английский и французский. (См. Gneist, Das englische Verwaltungsrecht, II Band., S. 1324 и Revue de deux mondes, 15 mai 1876; и 1877, 15 Fevrier, где поднят вопрос о сформировании во Франции университетов по немецкому образцу.) [4]

Многоуважаемые слушатели!

Принимая на себя почетную должность, к которой я призван доверием сотоварищей, я считаю своей обязанностью еще раз, здесь, публично выразить мою благодарность удостоившим меня такого доверия. Я имею основание тем выше ценить это доверие, что оно оказано мне, несмотря на то, что я лишь только несколько лет нахожусь в числе профессоров здешнего университета и занимаюсь естественными науками, которые вошли в круг университетского преподавания как несколько чуждый ему элемент и принудили сделать некоторые изменения в прежней организации университетов, а со временем, быть может, принудят сделать и другие. Например, в составляющей предмет моей специальности физике, которая образует теоретическую основу всех других ветвей естествознания, всего резче выступают особенные, характеристические черты естествоиспытательного метода, свойственного наукам естественным. И мне самому не раз случалось предлагать изменение прежних университетских норм, и я всегда имел удовольствие встречать полную готовность и поддержку со стороны моих факультетских товарищей и сената¹. Ваше избрание | меня в представители этого университета на будущий год :5 доказывает мне, что вы не считаете меня за какого-нибудь легкомысленного новатора. Действительно, насколько объекты, метод и ближайшие цели в науках о природе и в науках о духе могут с внешней стороны отличаться между собой, — насколько часто людям, привыкшим заниматься только непосредственными проявлениями и произведениями духовной жизни, могут быть чужды результаты, добытые естествознанием, и насколько мало они могут быть в них заинтересованы; тем не менее, — как это я уже старался высказать в своей речи при избрании в должность ректора в Гейдельберге², — в действительности существует самое тесное сродство как в глубочайшей сущности научного метода, так и в конечных целях этих двух классов наук. Хотя многие из предметов исследования в естественных науках не связаны непосред-

---

¹ Ведомству германских университетов, как корпорации, подлежат дела, общие всем факультетам, и власть корпоративная принадлежит в них *совокупности ординарных профессоров* под председательством выборного ректора; причем некоторые, менее важные дела, представляются его личному решению (в факультете — решению декана). Во многих университетах, в том числе и в берлинском, *текущие дела вообще* вверяются особой комиссии, *сенату*, состоящему из ординарных профессоров, обыкновенно по 2 от факультета, потому что обсуждение всех текущих дел в полном совете — по свидетельству Роберта Моля — ведет к напрасной потере времени, крайней медленности в решении дел и развивает дух словопрения, интриги партий. Общему же собранию профессоров в германских университетах остается активное и пассивное право выборов, обсуждение новых правил и порядков, предполагаемых или предлагаемых к введению, или изменение уже действующих.

² См. *Populäre wissenschaftliche Vorträge*, Heft I. № 1, von D-r Helmholtz. — *Примеч. перев.*

ственно с интересами духа, зато, с| другой стороны, не следует за- :6
бывать, что мощь истинного научного метода в науках естествен-
ных обнаруживается гораздо заметнее, что истинное от неистин-
ного в них, путем беспристрастной критики фактов, отличается
резче, чем это, напротив, бывает в более запутанных проблемах
науки о духе.

Не только развитие этой новой стороны научной деятельно-
сти, стороны вовсе не знакомой древности, но и влияние различ-
ных политических, социальных, даже международных отноше-
ний дают себя чувствовать и должны быть приняты в рассмотре-
ние. Круг наших слушателей должен увеличиться, изменившаяся
государственная жизнь ставит новые требования на место преж-
них, ветви наук все более и более дробятся; кроме библиотек, для
занятия наукой становятся необходимы все бóльшие и разноо-
бразнейшие вспомогательные средства.

С другой стороны, немецкие университеты достигли почетно-
го положения не в одном только своем отечестве; на них обраще-
но внимание всего цивилизованного мира. **К ним стекаются слу-**
шатели разных наций, из отдаленных частей света.

Такое положение может быть легко утрачено одним ложным
шагом и только с трудом возвращено назад. При таких обстоя-
тельствах, наш долг выяснить, что составляет главную причи-
ну процветания наших университетов, что в их статутах должно
быть хранимо как неприкосновенная святыня и что должно быть
отброшено, если потребуются перемены. Я, конечно, не считаю
себя вправе произнести относительно всего этого окончательный
приговор. Взгляд| каждого в отдельности всегда более или менее :7
ограничен; представители других наук, исходя из иных точек зре-
ния, могут усмотреть еще что-нибудь иное. Но я думаю, что окон-
чательный результат тогда только может быть достигнут, когда
каждый постарается выяснить, как представляются данные отно-
шения с его точки зрения.

Средневековые европейские университеты сначала возник-
ли как частные и свободные общества учащихся, собиравшихся
вместе слушать знаменитых учителей и самостоятельно управ-
лявших своими делами. В знак признания общественной поль-
зы, приносимой такими обществами, они получили со стороны
государственной власти охранительные привилегии и почетные
права, именно — собственный суд и право давать ученые степе-
ни. Студенты того времени состояли преимущественно из людей
уже зрелых, посещавших университеты без всяких практических
соображений, с единственной целью собственного образования;
впоследствии же стали туда посылать и юношей, которые боль-
шей частью отдавались под надзор старших сочленов. Каждый
университет в отдельности распадался на более тесные экономи-

ческие общины под названием наций (nationes), бурс, коллегий; общими делами каждой подобной общины управляли старшие, имеющие степень, сочлены (seniores); из них же составлялось и правление, заведывающее общими делами университета. До сих пор на дворе Болонского университета видны еще гербовые щиты и списки сочленов и сениоров многих таких наций, оставшиеся издавна. Старейшие, удостоенные степени, сочлены в течение всей жизни оставались членами общин и удерживали право голоса, как это недавно было, или есть и теперь, в докторских коллегиях Венского университета и в оксфордской и кембриджской коллегиях.

Такой свободный союз людей самостоятельных, в котором как профессоров, так и студентов воодушевлял один только интерес — любовь к науке, — союз, в котором одни старались ознакомиться с сокровищами духовного развития, оставленными древностью, а другие — вдохновить новое поколение к идеальным стремлениям, согревавшим их собственную жизнь, — был началом университетов, по своей идее и особенностям организации основанных на полнейшей свободе. Но не следует понимать этой свободы в смысле свободы преподавания новейшего времени. Большинство обыкновенно относилось весьма недружелюбно к отклонениям от общего мнения. Нередко приверженцы меньшинства принуждены были оставлять университет. И это случалось не только тогда, когда в дело вмешивалась церковь, или когда становились вопросом политические или метафизические положения. Даже медицинские факультеты, и знаменитейший из них парижский по преимуществу, не терпели ни малейшего отклонения от того, что они считали за учение Гиппократово. Кто употреблял арабский способ лечения, или верил в кровообращение, тот был изгоняем.

Преобразование университетов в их нынешнее устройство существенно обуславливалось тем, что государство стало оказывать им материальную помощь и за это приобрело право вмешиваться в их управление. Ход этого развития в различных странах Европы был различный, обуславливаясь частью различием политических отношений, частью особенностями национального ума.

Наименее произошло перемен в двух старых английских университетах, Оксфордском и Кембриджском. Их солидные материальные средства, политическая наклонность англичан к охране всякого существующего права исключали возможность почти всякого изменения, даже в том направлении, где бы таковое было весьма желательно. Оба названные университета и по сие время в сущности сохранили характер школ для духовенства — прежде римской, теперь англиканской церкви; такому образованию, насколько оно может содействовать общему развитию духа, подвергаются и светские люди, обязанные при этом подчиняться такому же надзору и вести такой же образ жизни, какой пре-

жде был признан полезным для молодых семинаристов. Живут они вместе, в пансионах (коллегиях), под надзором известного числа удостоенных ученой степени старших сочленов коллегии (Fellows), **впрочем в духе и характере зажиточных англичан.** Выходить из коллегии они имеют право только в предписанной одежде, похожей отчасти на ту, которую носит духовенство, причем особыми знаками отмечаются как академические степени, так и различные классы дворянства. По содержанию и методу преподавание в этих университетах равняется расширенному гимназическому курсу, и только по ограничениям относительно того, что впоследствии потребуются на экзаменах, и по способу изучения принятых учебников более походит на существующие в наших университетах репетитории. Знания учащихся, при получении академической степени, подвергаются весьма снисходительному испытанию, на котором требуются весьма специальные знания только в довольно ограниченных пределах. Путем такого рода испытаний приобретаются издавна установленные степени бакалавра, лиценциата, **magistri artium** и **доктора.** Преподавателями в коллегиях бывают преимущественно названные выше Fellows, занимающие эту должность не в силу официального назначения, подобно учителям наших гимназий, но скорее как частные учителя, приглашаемые известной группой студентов. Профессоров мало, и они читают относительно немного лекций, большей частью плохо посещаемых, и обыкновенно по некоторым, совершенно специальным, отделам той или другой науки. Лекции эти вовсе не составляют существенной части преподавания, а дают только некоторым студентам, по собственному желанию стремящимся к дальнейшему развитию, расширить свои познания.

Отдельные коллегии находятся в полнейшем разобщении одна от другой, и только производство экзаменов, раздача степеней и выбор профессоров составляют общие университетские дела. Только в последнее время в этих университетах стали допускать в число слушателей людей, не принадлежащих к англиканской церкви, и несколько заботиться о преподавании наук медицинских и юридических. В числе профессоров английских университетов находится очень много людей весьма замечательных и имеющих большое значение в науке. Но так как при избрании их правом голоса пользуются не только все наличные Fellows корпорации, но и все те, которые прежде носили это звание и затем совершенно отделились от университета и не только не имеют с ним никаких общих интересов, но, напротив, вполне отдались разным политическим и религиозным партиям, — то при этом избрании взгляды известных партий и личные отношения имеют гораздо более влияния, чем научное значение избираемых. В этом отношении английские университеты сохранили всю нетер-

пимость мнений, свойственную средневековым университетам. Избранным профессорам не только не вменяется в обязанность жить в университетском городе, но предоставляется право жить где угодно в пределах государства и занимать любую должность; нередко профессора бывают сельскими пасторами и только раз в неделю читают лекции в университете, а часто и этого не бывает.

В то время, как английские университеты из громадных средств, которыми располагают, употребляют сравнительно весьма мало на предоставление мест людям, имеющим научное значение, и то небольшое, что затрачивают с этой целью, употребляют весьма непоследовательно, — они имеют еще другое учреждение, по-видимому много обещавшее делу изучения науки, но едва ли оказавшее ему услуги, именно — учреждение **Fellowships**'а. Сдаввшие наилучше экзамены могут оставаться в звании **Fellows** при коллегии, от которой получают квартиру, содержание и при этом достаточное жалованье (200 ф. с.), дающее им полную возможность на свободе отдаться изучению науки. В Оксфорде| есть 557 :12 таких месте, а в Кембридже 537. **Fellows** могут при этом — но в этом они не нуждаются — исправлять должность тьюторов при коллегии. Они даже не обязаны оставаться в университетском городе и могут жить на свою стипендию где угодно, удерживая ее на неопределенное время. Только при вступлении в брак и при занятии какой-нибудь должности они теряют ее, за исключением, впрочем, некоторых случаев. Они-то и суть по праву законные наследники старых студенческих корпораций, которыми и для которых был основан и обеспечен университет. Но как ни прекрасно это учреждение по мысли, как ни поразительны затрачиваемые на него громадные суммы, — тем не менее, по мнению всех беспристрастных англичан, оно приносит весьма мало пользы для науки; и это очевидно, потому, что большая часть этих молодых людей, хотя состоит из лучших студентов, по-видимому, находится в благоприятнейших условиях для умственного труда, но во время своих школьных занятий недостаточно ознакомилась с живым духом исследования, чтобы впоследствии, из любви и увлечения наукой, продолжать служить ей.

Но в некоторых отношениях английские университеты весьма достойны уважения. Воспитанники их выходят людьми образованными, — образованными, конечно, настолько, чтобы не переходить границ политических и религиозных убеждений своих партий, которые они действительно и не переходят. Оксфорд принадлежит преимущественно ториям, Кембридж — вигам. В двух вещах особенно мы должны были бы стараться подражать им. Во-первых, они развивают в своих учениках,| вместе с живейшей :13 любовью к красоте и юной свежести древних языков, также понимание тонкостей и особенностей разговорной речи, что особенно проявляется в их умении владеть своим родным языком. А

это-то как, я боюсь, и составляет одну из самых слабых сторон немецкого воспитания. Во-вторых, английские университеты, равно как и школы, весьма заботятся о физическом благосостоянии своих воспитанников. Последние живут в светлых, просторных комнатах, в зданиях, окруженных лугами и парками, и находят главное свое удовольствие в играх, которые возбуждают в них страстное соревнование к развитию физической силы и ловкости и, в этом отношении, гораздо полезнее наших упражнений в фехтовании и гимнастике. Не нужно забывать, что чем меньше молодые люди пользуются чистым воздухом и возможностью совершать движение, тем сильнее бывает у них потребность находить кажущееся освежение в неумеренном курении табаку и употреблении опьяняющих напитков. Следует также признать, что английские университеты приучают своих воспитанников к энергическому труду и к нравам образованного общества; что же касается *нравственного* влияния строгого надзора, то оно, кажется мне, довольно призрачным.

Шотландские и некоторые из небольших английских университетов новейшего происхождения, как-то лондонские Университетская Коллегия и Королевская Коллегия, Оуэнская Коллегия в Манчестере, ведутся более по образцу немецких и голландских.

Совсем иначе, даже в направлении почти проти|воположном, :14 развивались французские университеты. При наклонности французов повергать в прах всё, исторически развившееся по рациональным теориям, их факультеты последовательно сделались чисто учебными заведениями, специальными школами, с весьма определенными правилами для преподавателя, и совершенно отделились от учреждений, на обязанности которых лежит содействовать развитию науки, как напр. Collège de France, Jardin des Plantes, École des études superieures. **Факультеты, даже находясь** в одном городе, совершенно отделены друг от друга. Порядок занятий строго определен и контролируется частыми экзаменами. Французское преподавание ограничивается одним только ясно доказанным и передает это доказанное вполне систематическим, тщательно обработанным способом, делая возможным все преподаваемое легко усвоить и не пускаясь в сомнения или более глубокие исследования. Вследствие этого, преподавателям во французских университетах достаточно иметь только хорошие восприимательные способности. Вот почему во Франции смотрят как на ложный шаг, если молодой человек с многообещающими способностями займет профессорскую кафедру в провинции. Французское преподавание хорошо приспособлено к тому, чтобы учеников, обладающих посредственными способностями, снабдить достаточными знаниями для рутинного исполнения своей обязанности. Французские студенты лишены возможности делать выбор между различными профессорами, а потому поне-

воле должны верить *in verba magistri*; это дает счастливое довольство собой и избавляет от сомнений. Если преподаватель выбран удачно, то этого достаточно для обыкновенных случаев, в которых ученик делает так, как делал учитель. Ведь только в необыкновенных случаях обнаруживается, насколько истинного понимания и независимых убеждений приобрел ученик. Впрочем, по природе французы народ весьма даровитый, живой и честолюбивый, что значительно исправляет многие недостатки в их системе преподавания. :15

Отличительная черта организации французских университетов заключается в том, что преподаватели вполне независимы от своей аудитории. По установленному правилу, слушатели каждого факультета должны посещать свои лекции и вносить довольно значительную плату, которая отсылается в кассу министерства народного просвещения; этими взносами покрываются расходы на содержание всех профессоров университета; государство же на поддержание университетов выдает только незначительную субсидию, которая постоянно расходуется.

Таким образом, если б профессоров не воодушевляла любовь к своему делу или честолюбивое желание иметь значительное число слушателей, то они могли бы оставаться совершенно равнодушными к результатам своего преподавания и успокоиться на лаврах.

Вне аудиторий французские студенты остаются без всякого надзора; у них нет ни корпоративного духа, ни корпоративных нравов, а потому они легко смешиваются с другими молодыми людьми других профессий.

Вполне отлично от этих двух крайностей развились немецкие университеты. Слишком бедные, чтобы обойтись своими силами, и, при возрастающих требованиях на средства преподавания, не могли не принять помощи государства; слишком бесильные, чтобы в то время, когда новейшие германские государства старались утвердить свою власть, иметь возможность противостать вторжению в их древние права, — германские университеты должны были подчиниться руководящему влиянию государственной власти. Вследствие этого, принципиально, последнее слово при решении всех важнейших университетских вопросов стало принадлежать государству, которое, при случае, в особенности в минуты политических и религиозных раздоров, делало из своей власти даже беспощадное употребление. В большинстве же случаев правительство вновь создавшихся государств относилось к университетам благосклонно; оно нуждалось в образованных чиновниках, и слава местного университета придавала известный блеск правительству. Притом заведывавшие университетом чиновники были большей частью его же воспитанниками, а потому и остались к нему приверженными. Весьма за- :16

мечательно, что, несмотря на военные бури и политические перевороты, во время которых, при распадении империи и борьбе за самостоятельность юных государств, почти все старые сословные права исчезли, — германские университеты сохранили гораздо бóльшую долю внутренней свободы, и притом самые дорогие стороны этой свободы, чем это мы видим в добросовестно-консервативной Англии и вечно борющейся за свободу Франции.

У нас сохранился старый взгляд на студентов | как на молодых людей, занимающихся наукой по собственному желанию и которым предоставляется право составлять свой собственный план занятий, какой они найдут лучше. Если для некоторых профессий вменялось в обязанность слушание известных лекций, — так называемые обязательные коллегии (*Zwangscollegien*), — то предписания эти делались не университетом, а различными ведомствами, которые впоследствии допускали своих кандидатов к отправлению известных профессий. При этом как теперь, так и прежде, со временными лишь исключениями, все университеты немецкого происхождения, от Дерпта до Цюриха, от Вены до Гратца, предоставляли своим студентам свободное право перехода из одного университета в другой; затем каждый университет предоставлял студентам право слушать лекции по факультетским предметам у всякого профессора, по собственному выбору, вполне независимо от того, будет ли читающий лекции ординарным или экстраординарным профессором, или просто доцентом при университете. Вместе с тем, студентам оставляется возможность значительную часть своих знаний приобретать из книг; даже весьма желательно, чтобы труды великих людей прошлого времени составляли существенную часть изучения.

За стенами университета прекращается всякий надзор за действиями студентов, пока они не придут в столкновение с блюстителями общественного порядка. За исключением этих случаев, единственный надзор, которому подлежат студенты, — это надзор товарищей, препятствующий совершать что-либо противное сословной чести. |

Средневековые немецкие университеты составляли тесно замкнутые корпорации и имели собственный суд, простиравший свои права даже на жизнь и смерть сочленов. Так как студенты большей частью жили вне своих государств, то собственный суд был необходим как для ограждения сочленов корпорации от произвола иноземных представителей судебной власти, так и для сохранения необходимого порядка внутри корпорации, — что весьма было нужно для охранения «права гостеприимства», которым студенты пользовались в чужой стороне, и для сглаживания возникающих между ними недоразумений. При нынешнем отношении университетов к государству, остаток этой университетской подсудности мало по малу переходит совершенно в обыкновен-

ные суды, а в ближайшем будущем и совершенно перейдет, — но необходимость, для такого значительного общества пылких и сильных молодых людей, установить известные ограничения, которые бы охраняли спокойствие товарищей и граждан, все-таки существует. Вот на эти-то случаи и направлена дисциплинарная власть университетского начальства. Однако и в настоящее время университетское начальство может достигать своих целей только путем влияния на чувство студенческой чести, — и это счастье, что чувство корпоративной связи и соединенное с ним сознание ответственности каждого перед общим требованием весьма еще живы у немецких студентов. Конечно, говоря это, я никак не хочу защищать все отдельные постановления в кодексе студенческой чести: в нем осталось еще несколько средневекового старья, | что :19
хорошо было бы выбросить, — но это могут сделать только сами студенты.

Для большей части иностранцев эта полная свобода немецких студентов, — так как иностранцам прежде всего бросаются в глаза только внешние, легко распознаваемые, отрицательные стороны этой свободы, — составляет предмета удивления: они не понимают, как можно, без весьма большого вреда, предоставлять молодых людей самим себе. Но немец о студенческом времени вспоминает как о золотых днях своей жизни; наша литература и поэзия проникнуты этим чувством, тогда как в литературе других европейских народов мы не находим ничего подобного. Только для немецкого студента полно наслаждения то время, когда он впервые вкушает прелесть самостоятельности, свободный от всякого труда, чуждого его интересам, преследующий в жизни одну задачу — стремиться ко всему прекрасному и благородному, до чего только мог до сих пор достигнуть род человеческий в деле знания и нравственных воззрений, тесно, дружески связанный со множеством товарищей, одушевленных теми же стремлениями, и находясь в ежедневном духовном общении с профессорами, от которых он научается самостоятельно мыслить. Когда я вспомню о своем студенчестве и о том впечатлении, какое производил на нас такой человек, как физиолог Иоганн Мюллер, то должен этому последнему обстоятельству придать особое значение. Кто раз столкнулся с одним или несколькими из передовых людей, у того на всю жизнь изменяется умственный масштаб. С тем вместе это | :20
столкновение составляет самое интересное, что может представить жизнь.

В этой свободе немецкого студенчества для вас заключается, мои молодые друзья, прекрасное и драгоценное наследие от предшествовавших поколений. Берегите его и оставьте вашим потомкам насколько возможно еще более облагороженным и более очищенным.

Увековечить его должны вы, и каждый из вас по-своему обязан заботиться о том, чтобы немецкое студенчество оставалось достойным доверия, предоставлявшего ему такую высокую степень свободы. Свобода неминуемо влечет за собой ответственность. Она настолько же опасный подарок для людей бесхарактерных, насколько дорогой для людей, умеющих управлять собой. Не удивляйтесь, что у нас некоторые отцы и государственные люди иногда настаивают на введении строгого за вами надзора и контроля, подобно английскому. Нет сомнения, что при введении такого надзора, вместе со свободой, исчезнет многое другое, что могло бы сохраниться. Государству, как и народу, гораздо лучше, конечно, иметь дело с людьми, которые умеют быть свободными и доказали, что они могут работать и стремиться к своим целям собственной своей силой и по собственному произволу, из одной любви к науке.

Если я выше указал, какое влияние имеет умственное общение с знаменитыми людьми, то это заставляет меня указать еще на другую особенность, которой немецкие университеты отличаются от английских и французских. Эта особенность заключается в том, что у нас преподавание предоставляют, насколько возможно, только профессорам, которые способны содействовать развитию самой науки; мы это безусловно считаем главной принадлежностью профессора. Это тоже составляет пункт, по поводу которого много раз высказывали удивление как французы, так и англичане. Они больше, чем немцы, придают значения преподавательскому таланту, то есть умению в выработанной, ясной форме и, насколько возможно, красноречивым, приковывающим внимание и занимательным образом излагать научные предметы. Лекции знаменитых по красноречию профессоров в Collège de France, Jardin des Plantes, а также в Оксфорде и Кембридже очень часто привлекают множество людей из высшего образованного круга. В Германии же не только равнодушно, но отчасти недоверчиво относятся к ораторскому блеску и почти совершенно пренебрегают внешней стороной лекций. Бесспорно, что за хорошо обработанной лекцией приходится следить с меньшим напряжением, чем за обработанной плохо, что содержание первой воспринимается вернее и полнее, что лекция, хорошо расположенная, ясно указывающая как на главные пункты, так и на детали, излагающая предметы наглядно может в одно и то же время сообщить более материала, чем лекция, имеющая свойства противоположные. Поэтому я несколько не желаю защищать нашего, иногда слишком далеко простираемого, пренебрежения формой речи и письма. Нельзя, конечно, отрицать, что лекции многих ученых, уже имеющих значительный вес в науке и отличающихся умственной оригинальностью, очень часто излагаются тяжелым, шероховатым, запутанным языком. Тем не менее, я

нередко видал, что профессора этого рода имеют многочисленных и приверженных слушателей, тогда как пустые, но блестящие говоруны возбуждают обыкновенно удивление первой своей лекцией, утомляют второй и оставляются после третьей. Желаящий убедить своих слушателей в точности своих положений прежде всего должен по собственному опыту знать, когда приобретаются убеждения и когда нет. Следовательно, он должен сам поработать над тем, над чем еще никто не работал, т. е. он должен работать на границах человеческого знания и открывать для него новые области. Профессор, сообщающий только чужие мнения, годится лишь для тех студентов, которые хотят опираться на авторитет как на источник своего знания, а не для тех, которые желают установить свое убеждение на конечных основаниях.

В этом вы снова видите, мои почтенные сотоварищи, знак почетного доверия, которое вам оказывает нация. Вам не предписывают определенного курса, не назначают определенных профессоров. В вас видят людей, желающих приобрести самостоятельные убеждения, — людей, которые сумеют отличить сущность от кажущегося, которых нельзя будет успокоить ссылкой на какой-нибудь авторитет и которые сами не захотят успокоиться таким образом. А потому всегда гораздо лучше заботиться о том, чтобы вы непосредственно могли подойти к источникам знания, насколько они существуют в книгах и памятникам, или в опытах и наблюдениях естественных предметов и процессов. Вот почему даже небольшие немецкие университеты имеют собственные библиотеки, музеи и т. д. И в устройстве химических лабораторий, микроскопических, физических и физиологических кабинетов Германия тоже опередила остальные европейские государства, которая теперь только начинают вступать с ней в соревнование. В нашем университете тоже в скором времени ожидается открытие двух новых, больших институтов, посвященных изучению естественных наук. Студенты могут приобретать самостоятельные убеждения только тогда, когда профессор имеет право высказывать свободно свои убеждения, — когда существует *свобода преподавания*. Свобода эта не всегда охранялась как в Германии, так и в соседних странах. Во времена политических и религиозных раздоров господствующие партии довольно часто позволяли себе вторгаться в область этой свободы, но это вторжение всегда считалось немецким народом посягательством на святыню. Прогрессивное развитие политической свободы в новой германской империи спасло и свободу преподавания. В настоящее время в немецких университетах можно с кафедры столь же беспрепятственно говорить как о самых крайних результатах материалистической метафизики и о самых смелых выводах, построенных на почве Дарвиновой эволюционной теории, так и о крайних пределах обоготворения папской непогрешимости. Как

считается недопустимым с европейских парламентских трибун высказывать подозрение относительно мотивов и поносить личные свойства противников, — приемы, которые, конечно, не могут практиковаться при решении научных положений, — так точно нельзя делать и воззваний к совершению действий, воспрещаемых законом. Но нет никакого препятствия какой бы то ни было научно спорный вопрос разрешать научно. В английских и французских университетах не может быть и речи о свободе преподавания в этом смысле. Даже в Collège de France подверглись запрещению чтения одного ученого о заслугах и научном значении Ренана, а тьюторы английских университетов не могут ни на волос отступить от догматической системы английской церкви, не рискуя потерять слушателей и подвергнуться замечанию со стороны епископа. :24

Теперь я имею нечто сказать еще и о другой стороне нашей свободы преподавания. Это — право, сохраненное немецкими университетами, допускать преподавателей. По первоначальному значению слово доктор есть «преподаватель», или тот, способность которого быть преподавателем признана. В средневековых университетах всякий доктор, который находил учеников, мог быть преподавателем. С течением времени изменилось практическое значение этого титула. Многие, имевшие эту степень, не желали вовсе быть преподавателями, но носили этот титул как официальное признание их научного образования. Только в Германии от этого старого права сохранилась некоторая часть. Соответственно изменившемуся значению докторского титула, далеко зашедшему по специализированию предметов преподавания, от тех докторов, которые желают пользоваться правом преподавания, | требуется особое доказательство более глубоких научных :25 знаний по тем отраслям, которые они избирают предметом своих чтений. Впрочем, в большей части немецких университетов права этих, доказавших свою способность к преподаванию (габilitating), докторов совершенно такие же, как и ординарных профессоров. Только в немногих университетах существуют для них некоторые ограничения, не имеющие почти никакого практического значения. Только в том отношении старшие профессора университета, т. е. ординарные профессора, действительно пользуются более благоприятными условиями, что, с одной стороны, при чтении предметов, для которых нужны разные аппараты, они свободно располагают средствами заведения, а с другой — что на них по закону возлагается производство факультетских экзаменов, а часто также и государственного экзамена. Разумеется, это последнее обстоятельство производит известное давление на иных малодушных студентов. Впрочем, влияние экзаменов часто преувеличивается. При постоянном передвижении наших студентов из одного места в другое многим из них прихо-

дится сдавать экзамены у таких экзаменаторов, лекции которых они никогда не посещали.

Ни одна из сторон нашего университетского устройства не возбуждала такого удивления в иностранцах, как допущение приват-доцентов. Обыкновенно удивляются и завидуют, что у нас так много людей, которые, не получая содержания, при весьма незначительном гонораре и совершенно неопределенном положении в будущем, посвящают себя напряженному научному труду. Рассуждая с точки зрения земных практических интересов, удивляются также, что факультет так легко и охотно допускает множество молодых людей, могущих ежеминутно из помощников превратиться в конкурентов, — удивляются и тому, что только в крайне редких исключительных случаях бывает слышно об употреблении при этих некоторым образом деликатных отношениях предосудительных средств конкуренции. :26

Как допущение приват-доцентов, так и назначение профессоров на опустевшие кафедры зависит, — хотя не безусловно и не окончательно, — от факультета, то есть от собрания ординарных профессоров. Они составляют при немецких университетах тот остаток прежних докторских коллегий, на который перешли старые права корпораций. Факультеты суть как бы образованные при содействии правительства, более ограниченные комитеты прежних времен, составленные из лиц, получивших ученую степень. Обыкновенная форма, для замещения открывшегося места ординарного профессора, заключается в том, что факультет предлагает правительству трех кандидатов для выбора и назначения, причем оно, конечно, не может считать себя безусловно связанным этим выбором. Впрочем, редко случается, чтобы представление факультета оставалось без внимания, разве только во время разгара вражды между париями.

Если только не существует каких-либо явных препятствий к утверждению представленных факультетом лиц, то правительство никогда не берет на себя неприятной личной ответственности за выбор, вопреки предложению компетентной корпорации, преподавателя, способности которого публично оцениваются обширным кругом слушателей. :27

Самые сильные мотивы заставляют членов факультета заботиться о назначении на кафедры людей знающих. Существенное условие, заставляющее с охотой приготовляться к лекции, составляет сознание, что вас слушает много людей интеллигентных. Кроме того, для многих профессоров малочисленность слушателей производит значительный пробел в материальных средствах. Следовательно, каждое отдельное лицо должно желать, чтобы факультет его, взятый в целом, привлекал как можно больше студентов, и наиболее интеллигентных. А это достижимо только выбором самых даровитых и добросовестных преподавателей, бу-

дут ли они профессора или доценты. С другой стороны, стремление побудить слушателей к энергичному и самостоятельному труду может иметь успех в том только случае, если поддерживается и остальными членами факультета. Из этого следует, что совместная деятельность с наиболее даровитыми товарищами делает университетскую жизнь весьма интересной, поучительной и привлекательной. Если б факультет действовал под влиянием иных мотивов, он должен бы был дойти до упадка и утратил бы не только чувство собственного достоинства, но и обыденный здравый смысл.

Что же касается до призрака соперничества между университетскими профессорами, которым иногда запугивают общественное мнение, то его не может быть, если и профессора и студенты вполне отвечают своему назначению. Кроме того, только в больших университетах существует двойной комплект профессоров, по одному и тому же предмету; а так как нет официального распределения предмета на отделы, то это распределение делается самими профессорами, и каждый из них берет себе тот отдел, который им более разработан. Два отличные преподавателя, таким образом пополняющее друг друга, составляют такой сильный притягивающий центр для студентов по известному предмету, что ни один из них не будет иметь недостатка в слушателях, хотя бы менее прилежных им и пришлось поделить между собою.

Во всяком случае, неблагоприятных последствий конкуренции можно опасаться только там, где тот или другой профессор не чувствует себя достаточно прочно в своем положении по отношению к науке. На официальные решения факультетов конкуренция не имеет большого влияния, если дело идет об одном, или небольшом числе конкурирующих.

Гораздо более роковыми последствиями, чем личный интерес, может грозить факультету господство какой-нибудь определенной научной школы. При этом можно всегда рассчитывать, что если эта школа в научном отношении пережила себя, то студенты постепенно разойдутся по другим университетам. На что, конечно, потратится много времени, и оставленный факультет придет в упадок.

Насколько, при подобной системе, университеты стараются привлекать к себе научные умы Германии, лучше всего доказываете :29
ется тем, что почти все люди, прокладывающие новые пути в науке, принадлежат университетам. Вот почему иногда даже подсмеиваются, говоря, что в Германии каждая наука есть профессорская мудрость. Бросив взгляд на Англию, мы тотчас натолкнемся на ученых, как Гумфри Дэви, Фарадей, Дарвин, Грот, которые никакой связи не имеют с английскими университетами.

Если же, напротив, из немецких исследователей исключить тех, которые были устранены правительством по религиозным и

политическим основаниям, как, напр., *Давид Штраус*, и тех, которые, как члены немецкой академии, имели право читать лекции в университетах, как, напр., Александр и Вильгельм Гумбольд, Леопольд Бах и некоторые другие, — то останется не много таких, которые, имея значение в науке, не занимали бы в то же время кафедры в университете. Между тем в Англии подобный прием вычисления дает совершенно противоположный вывод. Так меня всегда удивляло, что **Royal Institution в Лондоне, частное общество, которое дает небольшой курс лекций об успехах естествознания для своих сочленов и других взрослых слушателей, могло надолго залучить к себе людей такого научного значения, как Гумфри Дэви и Фарадей. О значении большого гонорара здесь не может быть речи; очевидно, что эти люди были привлечены кружком слушателей, составившимся из умственно самостоятельных мужчин и женщин.**

В Германии же, бесспорно, университеты составляют те учреждения, которые особенно притягивают к себе преподавателей. Ясно также, что эта притягательная сила имеет основанием надежду профессоров найти в университете не только хорошо подготовленных, привыкших к труду и способных к воодушевлению слушателей, но и людей, умеющих самостоятельно мыслить. Только при подобных условиях знание профессора может быть плодотворно для студентов.

Через всю организацию наших университетов проходит это уважение к свободным и самостоятельным убеждениям, и немцы более склонны к ним, чем их арийские родственники романского и кельтического племени. У последних берут перевес политические и практические мотивы. Они готовы, и, как кажется, весьма чистосердечно, удерживать испытующую мысль от исследования таких положений, которые им кажутся не подлежащими оспариванию как необходимый фундамент политической, социальной и религиозной организации, и они находят совершенно справедливым не давать своей молодежи заглядывать за те границы, которые они сами переходить не желают.

Желая же известную область вопросов считать не подлежащей оспариванию (будь эта область хотя весьма ограниченной и отдаленной, и пусть такое желание всеми признается весьма благонамеренным), — нужно учащимся уже вести по предписанному пути и употреблять таких учителей, которые бы не восставали против авторитета. А при подобном положении дела только условным образом может быть речь о свободных учреждениях. | :31

Вы видите насколько иначе поступали наши предки. Как ни сильно они восставали иногда против отдельных результатов научного исследования, подрезать же корней они никогда не хотели; мнение, не основанное на самостоятельном убеждении, казалось им в сущности ничтожным. В глубине души они все-таки

верили, что только свобода может уничтожить злоупотребления свободой и что только зрелое знание может уничтожить ошибки незрелости. Тот же здравый смысл, который свергнул иго римской церкви, организовал и университеты.

Но всякое учреждение, основанное на свободе, должно рассчитывать на силу рассудка и разум тех, кому доставляется свобода. Выше я указал, что студентам предоставляется полная свобода в ходе занятий и выборе профессоров, — теперь мы видим, как студенты, со своей стороны, могут оказывать влияние на своих преподавателей. Хорошо вести коллегия — большой труд, который с каждым семестром должен возобновляться. С течением времени к старому прибавляется новое, под влиянием которого нужно старое рассмотреть с новой точки зрения и привести в новый порядок. Профессор скоро бы утомился при подобной работе, если б он не встречал усердия и внимания со стороны слушателей.

Насколько он выполнит свою задачу зависит от того, насколько его будет понимать достаточное число по крайней мере более интеллигентных слушателей. Да, прилив слушателей на лекции имеет немаловажное значение, как для назначения, так для увольнения преподавателей, а также для самого состава профессорского кружка. Во всех этих отношениях принимается :32 в соображение то, что мнение, выражаемое всеми студентами и выражаемое публично, не может долго находиться в заблуждении. Большинство студентов, которое является как бы представителями общественного мнения, должно поступать к нам с достаточно логически развитым умом, с достаточной привычкой к умственному напряжению и с достаточно, на лучших образцах, развитым умением отличать истину от напыщенного подобия ее. Между студентами могут быть замечательные умы, которым суждено быть умственными вожатыми грядущего поколения, которые в ближайшем будущем привлекут к себе внимание мира. Они-то преимущественно и создают общественное мнение своих со товарищей в научных вопросах, а за ними другие идут уже произвольно. Временные заблуждения, конечно, естественным образом могут встречаться у людей молодых, пылких и неопытных, но вообще с большой уверенностью можно рассчитывать, что истина у них всегда скоро восторжествует.

Таковыми нам всегда доставляли студентов гимназии. Было бы весьма опасно для университетов, если б в них стекалось много слушателей менее развитых в указанных отношениях. Общий уровень развития студентов не должен понижаться. Это бы угрожало опасностью академической свободе. Поэтому нельзя считать за педантизм или высокомерие, когда университеты, при допущении слушателей, получивших воспитание не в гимназии, обнаруживают некоторую подозрительность. Но, конечно, еще

опаснее было бы, | если б в университеты, по каким-либо внеш- :33
ним причинам, допускались профессора, не имеющие всех тех
достоинств, которые должны быть у научно самостоятельного
профессора университета.

Не забудьте же, дорогие товарищи, что вы находитесь в ответ-
ственном положении. Благородное наследие, о котором я уже го-
ворил выше, вы должны сберечь не только для своего собствен-
ного народа, но, как образец, и для всего человечества. Вы долж-
ны показать, что юность умеет воодушевляться за самостоятель-
ность убеждений и умеет работать для нее. Я говорю «работать»,
потому что самостоятельность убеждения не заключается в лег-
комысленном усвоении неисследованных гипотез, а может быть
достигнута только как плод добросовестного испытания и усерд-
ного труда. Вы должны доказать, что самостоятельно выработан-
ное убеждение составляет более плодотворный зародыш нового
взгляда и более верный руководитель в деятельности, чем самое
общеодобрительное следование по стезям авторитета. Германия,
в XVI столетии впервые восставшая за право такого убеждения и
мученически пострадавшая за него, стоит и теперь во главе борь-
бы за это право. Ей на долю выпала великая историческая задача,
и вы призваны содействовать ее разрешению. | :34